

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ВИДОВЫХ ОТЛИЧИЙ – НАБРОСКИ
А.И.Юрченко (Андрей Диакон)

*Я вполне сознаю, как трудно выбить из головы воззрения,
внедрившиеся и укоренившиеся в ней
благодаря авторитету красноречивейших писателей;
эта трудность усугубляется ещё и тем,
что истинная (то есть точная) философия
сознательно отвергает
не только словесные белила и румяна,
но и почти всякие прикрасы.
Первые основы всякой науки
действительно далеко не ослепляют своим блеском;
они скорее скромны, сухи и почти безобразны.
Но так как среди людей, несомненно, есть и такие,
хотя бы их было и немного,
кому во всём доставляет удовольствие истина сама по себе
и надежность довода,
то я считал своей обязанностью
придти этим немногим на помощь.*

ТОМАС ГОББС

Корректная трактовка смысла *имени прилагательного*, чем мы интенсивно занимаемся и неукоснительно намерены заниматься и впредь, имеет, как некоторым из совопросников века сего это и ни покажется странным, чрезвычайно важное значение. Сие становится очевидным хотя бы уже из того потрясающего факта, что ошибочная интенция в его понимании возникла по крайней мере ещё во времена *Аристотеля*. Тем самым от того золотого века, когда *имя*, позднее – *отыменное* (в греческом – *пароним*, в латинском – *denominativum*, *деноминатив*, а также – *sumptum*, *производное*, затем и параллельно – в греческом *эпитет*, в латинском – *adiectivum*, *адъектив*, затем и параллельно – в более общем плане – *appellativum*, *апеллятив*) – вопреки современной его некорректной трактовке как знака *качества, свойства, признака* – понималось в достаточной степени адекватно его собственному первоначальному и истинному значению как знак *объекта, обладающего соответствующим качеством, свойством, признаком*, идея которого выражается *коннотативно*, то есть *вторично* и *косвенно*, будучи заключена в корневой основе самой лексемы, от того золотого века нас отделяют *почти два с половиной тысячелетия*. А за это время многое из реченного и воплощённого в письмени обрело уже совершенно иной, отнюдь не корректный смысл...

Возьмём, например, *классическое определение* имени, понятия или вещи *через (ближайший) род и (последнее) видовое отличие: definitio /diffinitio/ per genus proximum et differentiam specificam*.

Данная дефиниция имеет глубокую древность, восходя, по крайней мере, к *Платону* (428–347 гг. до н. э.). «Определение, по *Платону*, должно указывать на принадлежность к *общему (роду)* и на *специфическое различие*, которое отличает данную вещь от всех других вещей *рода*». – *Кондаков Н. И.* Логический словарь–справочник. – 2-е изд. – М., 1975. – С. 410.

В древности определение подобного типа *называлось дефиницией на основании разделения рода на виды*. – *Алкиной*. Учебник платоновской философии // *Платон*. Законы. – М., 1999. – С. 629; *Аристотель*. Метафизика, VII, 12 // *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 1. – М., 1975. – С. 211; *его же*. Вторая аналитика, II, 13 // *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 2. – М., 1978. – С. 337.

И в «Учебнике платоновской философии» *Алкиноя* читаем: «Определение на основании разделения возникает так: прежде нужно взять *род* определяемой вещи (например, для *человека – животное*), затем нужно рассекать его (*род*), доходя по *смежным различиям* вплоть до *видов* (например, *разумное – неразумное, смертное – бессмертное*), чтобы при *составлении смежных различий* с тем *родом*, которому они принадлежат, получилось определение человека». – *Платон*. Законы. – М., 1999. – С. 629–630.

«Человек, – согласно одной из фантастических дефиниций, которую мы находим в «Определениях» (сочинение платоновской школы), – существо без перьев (беспёрое), двуногое, с плоскими ногтями; единственное из существ, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях». – Там же. – С. 621.

Рассматривая «те определения, которые опираются на деление», *Аристотель* отмечает, что в них «не входит ничего другого, кроме *рода*, обозначаемого как первый, и *видовых отличий*. А остальные *роды* – это первый и вместе с ним охватываемые им *видовые отличия*, например: первый род – «*живое существо*», ближайший к нему [*род*] – «*живое существо двуногое*» и затем опять «*живое существо двуногое, беспёрое*»; подобным же образом и тогда, когда определение обозначается через большое число [*видовых отличий*]. Но вообще нет никакой разности, обозначается ли определение через большое или ... малое число [членов] или через два; а если оно состоит из двух [членов], то одно – [это] *видовое отличие*, другое – *род*; например: если [определяющее] – «*живое существо двуногое*», то «*живое существо*» – *род*, а другое – *видовое отличие*». – *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 1. – М., 1975. – С. 211–212.

Видовое отличие (в древних текстах – обычно просто *отличие, диафора, дифференция*), как это явствует из приведённых фрагментов, в классическом варианте есть *имя прилагательное*, которое *вместе с родом* составляет термин, равнозначный *виду*. – См.: Там же. – Т. 3. – С. 571.

Родовое имя (род) и *видовое отличие* различаются только как *имя существительное* и *имя прилагательное* с их специфической именной семантикой.

Итак, – повторимся, – в стандартном выражении в определяющей части *дефиниции через род и видовое отличие* последнее (возьмём предельно краткий случай) обычно бывает представлено *словом в форме современного имени прилагательного или причастия* (в последующем вместо подобных «*протяженносложенных*» словосочетаний будем при всякой благоприятной возможности пользоваться замещающей аббревиатурой – *слипп*). Это мы и видим, в частности, у *Стагирита*. В действительности же *видовое отличие* может быть и более пространным с использованием и «подобных прилагательным выражений». – *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика. – 5-е изд. – М., 1905. – С. 62.

Предложим некоторые дальнейшие – связанные с проблемой *определения* – размышления *Аристотеля*. В «Метафизике» он, в частности, пишет: «Так как *определение – это обозначение*, а всякое обозначение имеет части и так же, как обозначение относится к предмету, так и часть его относится к части предмета, то возникает затруднение: должно ли обозначение отдельных частей содержаться в обозначении целого – или нет». – *Аристотель*. Метафизика, VII. 10 1034 b 20–24 // *Аристотель*. Сочинения. – Т. 1. – С. 204.

Исследуя «то, из чего как из частей состоит *сущность*», *Аристотель* далее декларирует: «...*материя* – это одно, *форма* – это другое, *то, что́ из них*, – третье, а *сущность* есть и *материя*, и *форма*, и *то, что́ из них*». – Там же. – С. 204–205.

При этом *форма* отождествляется *Стагиритом* с *видовым отличием*, в частности, с последним. По его словам, последнее *видовое отличие* «будет *формой* и *сущностью*». И далее утверждается следующее: «...*род* вообще не существует помимо *видов* как *видов рода*... Поэтому очевидно, что *определение* есть *обозначение, образуемое из видовых отличий*, и притом – если деление правильное – *из последнего из них*». – Там же. – С. 212–213.

И в качестве иллюстрации можно привести известное всем определение *человека*: *человек есть разумное*. Ведь в традиционной системе деления понятий, – по словам *Аристотеля*, – «каждое *видовое отличие* влечёт за собой свой *род*, как, например, «*живущее на земле*» и «*двуногое*» влекут за собой «*живое существо*» и «каждый из *родов* относится к тому, к чему относится *видовое отличие*». – Там же. – Т. 2. – С. 475; см. также: с. 185, 368, 382, 429: «...кто говорит «*живущее на суше*», тот подразумевает какое-то *живое существо*, а кто говорит «*живое существо*», тот не подразумевает, (однако,) какого-то *живущего на суше*»; 472, 476: «Ясно, однако, и то, что так как одно и то же *видовое отличие* может относиться к двум *родам*, не объемлющим один другой, [но объемлемым *высшим родом*], то *видовое отличие* не обязательно влечёт за собой любой свой *род*, а влечёт за собой [применительно к случаю] лишь один из этих *родов*, а также все *роды*, стоящие выше него, как, например, «*двуногое*» влечёт за собой «*живое существо крылатое*» или «*живое существо, живущее на суше*».

Однако в своих логических сочинениях *Стагирит* всё-таки возвращается к *классической структуре определения через ближайший род и видовое отличие*. Особый интерес представляют его рассуждения по вопросу во «Второй аналитике», II. 13, в некотором роде как бы противопоставляемые приведённым выше из «Метафизики»: «...если любое [*определяемое*] состоит из двух [частей], ... то необходимо найти [эти части] при помощи деления ... и ничего не пропустить из относящегося к *сути [вещи]* ... [имея в виду] или *род*, или *видовое отличие*. В самом деле, *род* есть первое, и он берётся вместе с *видовыми отличиями*; *видовые же отличия* [необходимо должны быть] все налицо, ... [чтобы] сразу вместе с *последним [видовым] отличием [определяемое]* не отличалось бы *по виду* от целокупного». – Там же. – Т. 2. – С. 334–339.

По словам *Аристотеля* в «Топике», VI. 5–6, «из *видового отличия* и *рода* состоит определение *вида*», ибо «всякое *видовообразующее отличие* вместе с *родом* образует *вид*», при этом, чтобы *ничего не упустить*, «*определяемое* следует отнести к *ближайшему роду* или присоединить к *вышестоящему роду все видовые отличия*, через которые определяется *ближайший род*». – Там же. – Т. 2. – С. 472, 473.

Естественно, полагаем, – возвращаясь к проблеме статуса *видового отличия*, – возникает вопрос: что же понималось в древности, что же понимается сейчас и что же следовало бы понимать под *видовым отличием*, обозначаемым именно *слиптом* или подобным ему выражением?

Скорее, скажут нам нецыи, в данном случае естественно возникает отнюдь не вопрос, а, конечно же, сразу на него ответ: безусловно и всегда – *некоторое качество*.

И в Органоне великого наставника великого *Александра Македонского* мы читаем: «А ведь кажется правильным, что всякое *видовое отличие* означает *некоторое качество*». – *Аристотель*. Топика, VI. 6 // *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 2. – М., 1978. – С. 474 (дважды кряду).

Несколько ниже *Стагирит* пишет, что, например, «обитающее в воде» «указывает ... *некоторое качество*». – Там же. – С. 476.

В «Топике», IV. 2, *Аристотель*, анализируя в соответствующем контексте статус слова «*бессмертное*», отмечает, что оно отнюдь не есть, например, «*род для Бога*», вопреки тому, как утверждают некоторые.

«На самом же деле, – по словам Аристотеля, – «*бессмертное*» есть *видовое отличие* для живого существа, так как одни живые существа смертны, другие бессмертны». Посему в утверждении *родового статуса* означенной лексемы «налицо несомненная ошибка, ибо *видовое отличие* ни для чего не может быть *родом*. Истинность этого очевидна, ведь ни одно *видовое отличие* не обозначает *сути вещи*, а скорее обозначает *какое-то качество*, как, например, *живущее на суше* и *двуногое*». – Там же. – С. 413.

Аналогичная позиция наблюдается и в пятой книге «Метафизики», V. 14. Здесь *качеством* называется даже «*видовое отличие в сущности*», «*видовое отличие сущности*», «*относящееся к сущности*». – *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 1. – М., 1975. – С. 165–166.

Однако же в седьмой книге той же «Метафизики», VII. 12, – как уже отмечалось, – *последнее видовое отличие* объявляется уже «*формой* и *сущностью ... вещи*», выступающей и «её *определением*». – Там же. – С. 212–213.

А несколько ранее, VII. 7, *Аристотель* – в прямом противоречии с положениями трактата «Категории», авторство которого, по всей вероятности, ему не принадлежит, – даже декларировал: «... *формой* я называю *суть бытия каждой вещи* и её *первую сущность*». – Там же. – С. 198.

В «Категориях», V, напомним, *первой сущностью* именуется отнюдь *не суть бытия вещи*, а *сама единичная вещь*.

В «Физике», V. 2, *Стагирит* демонстрирует вообще какую-то странную позицию, сопоставляя обе заявленные прежде точки зрения: *относящееся к сущности видовое отличие* одновременно есть как бы *и качество, и не качество*. Он, в частности, пишет: «Я разумею под *качеством* не то, *что принадлежит к сущности* (так как и *видовое отличие* есть *качество*), а то, что способно испытывать воздействие, в отношении чего [предмет] называют подвергающимся воздействию или не подверженным ему». – *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 3. – М., 1981. – С. 165; в данном случае пользуемся лишь указанным переводом на русский язык.

В упомянутом уже трактате «Категории», который атрибутируется авторству *Аристотеля*, но вряд ли принадлежит его перу (см.: *Попов П. С., Стяжкин Н. И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – С. 40, 80), в пятой главе, посвящённой категории *сущность, (видовое) отличие*, – по мнению многих комментаторов, да, впрочем, и самого *Стагирита*, отождествлявшего *видовое отличие* с *формой* как *сущностью*, – понимается как *часть сущности* и даже как *сущность*: «ведь и *видовое отличие* принадлежит к тому, что *не находится в подлежащем*. В самом деле, о *подлежащем* – о *человеке* – говорится как о *живущем на суше* и как о *двуногом*, но они (эти *видовые отличия*) *не находятся в подлежащем*: «*двуногое*» или «*живущее на суше*» не находится в человеке». – *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 2. – М., 1978. – С. 58–59 и другие.

«И пусть нас не смущает то, что *части сущностей* находятся в целых как в подлежащих, – подчёркивается при этом, – чтобы нам не пришлось когда-нибудь утверждать, что эти *части [сущностей –] не сущности*: ведь о том, что *находится в подлежащем*, было сказано, что оно находится в нём не так, как *части* содержатся в каком-нибудь [целом]». – Там же. – С. 58.

«*Сущностям* и *видовым отличиям* [как *сущностям же*], – отмечается далее, – свойственно то, что всё [составленное] из них [как сказуемое] говорится *соименно*. Все [состав-

ленные] из них сказуемые сказываются или о единичном, или о видах ... *Соименными* же были у нас названы те предметы, у которых и имя общее, и понятие одно и то же. Поэтому всё [составленное] *из сущностей* и *из видовых отличий* говорится *соименно* ... В самом деле, о подлежащем – о *человеке* – говорится как о *живущем на суше* как о и *двуногом* [по имени] ... Равным образом и определение *видового отличия* сказывается обо всём, к чему применимо [по имени это] *видовое отличие*; например, если «*живущее на суше*» говорят применительно к *человеку*, то и определение «*живущего на суше*» может сказываться о нём, ведь *человек* есть то, что живёт на суше ... Таким образом и *виды*, и *единичное* принимают [и *имя*, и] *понятие видового отличия*. – Там же. – С. 58–59.

В первой главе трактата «Категории» дана более пространная дефиниция *соименных (синонимов)*: «*Соименными* называются те предметы, у которых и *имя* общее, и соответствующая этому имени *речь о сущности (logos tes ousias)* одна и та же, как, например, «*живое существо*» – это и «*человек*», и «*бык*». – Там же. – С. 53.

[Применительно к данному случаю определённый интерес представляет комментарий редактора логических сочинений *Аристотеля* и, полагаем, неаристотелевского трактата «Категории» в аспекте истолкования проблемы *соименной (синонимической)* предикации: «... *единичное (первая сущность*, скажем А) и *вид* (скажем, Б) принимают (1.1) *имя рода* (например, «*живое существо*» есть *общее имя* для Сократа и человека), (1.2) *имена видовых отличий* (например, «*двуное*» и «*живущее на суше*» – *общие имена* для Сократа и человека), (2) *определение рода* и *определения видовых отличий* (например, истинны следующие высказывания: «*Сократ есть двуное существо, живущее на суше*» и «*Человек есть двуное существо, живущее на суше*»). Следовательно, согласно определению *соименности* (1 а 6–7), А и Б *соименны*». – Там же. – С. 602. – Прим. 8 к главе 5.

И в другом комментарии, где даны иллюстрации и некоторый анализ так называемых *акцидентальных предикаций*, согласно терминологии трактата – предикаций *привходящим образом, омонимических, одноименных, и соименных предикаций*, читаем: «Сравним два высказывания: «*Сократ бел*» и «*Сократ – человек*». *Белое* находится в теле Сократа. Именно поэтому мы и называем его *белым*, то есть *имя белого* – «*белое*» – сказывается о Сократе. Однако *само белое* и, стало быть, его *понятие*, его *определение* («цвет, рассеивающий зрение», – см.: «Топика», 119 а 30; «Метафизика», 1057 б 8–9) не сказывается о Сократе. Ведь *Сократ не есть цвет, рассеивающий зрение*, и вообще *не есть цвет*. *Определение белого* не является частью определения Сократа. С другой стороны, *человек* не находится в Сократе в том смысле, в каком *белое* (и вообще какое-либо *качество*) находится в нём. *Определение же человека* («*двуное существо, живущее на суше*») или *некоторые части его определения* («*двуное существо*», «*существо, живущее на суше*», см. 3 а 17–28) сказываются о Сократе». – Там же. – С. 601. – Прим. 4 к главе 2.

К этому остаётся лишь добавить, что выражения «*двуное существо*» и «*живущее на суше*» в данном случае выступают в качестве трансляционных эквивалентов исходным *слипам*: *двуное* и *пешее*.

Хотя комментатор, как видим, безусловно принимает тезис трактата «Категории» о *соименной предикации самого по себе видового отличия* в отношении *единичного* и *вида* (см. п. 1.2 и 2), он тем не менее всячески убегает от того, чтобы – наряду с *единичным* и *видом* – обозначить и таковое соответствующим символом (скажем, «В») и декларировать, что А, Б и В *соименны*, как это несомненно следует из трактата. Ибо *соименная предикация* возможна лишь в случае *соименных (синонимичных* в аспекте *гипонимии*) между собой *субъекта* и *предиката*. Именно в этом смысле о *синонимии* (как *гипонимии*) и говорится в трактате: «*человек*» *соименен* «*живому существо*» («*Человек есть живое существо*») и «*бык*» *соименен* «*живому существо*» («*Бык есть живое существо*»): «в самом деле, и *человек*, и *бык* называются общим именем «*живое существо*» и *речь о сущности* их одна и та же». – Там же. – С. 53.

Но, подчеркнём, *виды* «человек» и «бык», будучи *соименными по отношению к общему для них роду*, которому они подчинены, являясь его *гипонимами*, отнюдь *не соименны как таковые*, то есть *между собой*. Ведь у них и *имена*, и *видовые определения* различны. К тому же, несомненно, они – что свойственно всем видам одного рода – не могут сказываться один в отношении другого не только *соименно*, *синонимически*, но и сказываться вообще, *не являясь и взаимозаменяемыми*.

Более того, говоря о том, что *единичное* и *вид* принимают «*определение рода и определения видовых отличий*», комментатор в примерах по понятной теперь уже причине странным образом постоянно стремится соединить *род* и то или другое *видовое отличие*: «*двуногое существо*», «*существо, живущее на суше (сухопутное)*» – и в качестве последнего аргумента объявить истинными следующие высказывания: «Сократ есть *двуногое существо, живущее на суше*» и «Человек есть *двуногое существо, живущее на суше*». Однако в трактате в соответствующем случае прямо говорится о предикации *видового отличия* не в составе определения, – то есть *видового отличия* вместе с *родом*, – но именно *самого по себе видового отличия (видовых отличий)*: «В самом деле, о подлежащем – о человеке – говорится как о *живущем на суше* и *двуногом [по имени]*... Равным образом и *определение видового отличия* сказывается обо всём, к чему применимо [*по имени*] *видовое отличие*; например, если «*живущее на суше*» (*сухопутное*) говорят применительно к человеку, то и определение «*живущего на суше*» (*сухопутного*) может сказываться о нём, ведь человек есть то, что живёт на суше». – Там же. – С. 58.

Общее же заключение о приведённых – и других – комментариях в издании корпуса сочинений *Аристотеля* может быть лишь таково: печально встречается с подобным научно-образным инфантилизмом в научных изданиях. Ведь здесь утверждается даже такой оглушительный абсурд: «*Вторые сущности суть сущностные качества* первых сущностей и, как таковые, отличаются от их *привходящих качеств*». – Там же. – С. 602. – Прим. 9 к главе 5.

А ведь в трактате «Категории» прямо сказано: «*А вторыми сущностями* называются те, к которым как к *видам* принадлежат *сущности*, называемые так *в первичном смысле*, – и эти *виды*, и их *роды*; например, отдельный человек принадлежит к роду «человек», а *род* для этого *вида* – «живое существо». – Там же. – С. 55–56.

Неужели же человеческая мысль тысячелетиями всуе трудилась над научными проблемами классификации и именования реалий объективной действительности и их понятийных аналогов? Неужели же в ничто обратились все древнейшие предикаментальные системы – в том числе и анализируемая, – в той или иной степени в течение многих веков сокращавшие человечеству опыты быстротекущей жизни? Неужели же невежеством современных обскурантов всё может быть развеяно, яко прах?

Интересно, столь проницательный комментатор и своим чадам тоже предлагает подобные абсурдные определения: «*Белое* есть цвет, рассеивающий зрение»? Речь в данном случае, отметим, не об *архаичном смысле* дефиниции (ведь это всё-таки комментарий древностей, хотя сие следовало бы всё-таки как-то оговорить), а о её *неадекватной форме*, проистекающей из *некорректной трактовки смысла прилагательных*. Ведь любой мало-мальски квалифицированный корректор (даже не редактор!) в мгновение ока – пусть и интуитивно – привёл бы её в божеский вид: «*Белый цвет* есть цвет...».]

Итак, полагаем, как это очевидно, в трактате «Категории» наблюдается прямое противоположение той точке зрения, которая получила отражение, в частности, в «Топике» и даже – частично – «Метафизике» *Аристотеля*. Ведь здесь *volens–nolens* со всей очевидностью, – если и не прямо, – утверждается, что *видовое отличие* – это отнюдь *не качество, а сущность*. Ибо *видовое отличие* обладает всеми основными характеристиками *сущности* («*не быть в подлежащем*», *сказываться соименно* и т. п.). Именно поэтому и *имя*, и *понятие видового отличия* предикаруются в отношении подлежащего. Это имеет несомненное соответствие в другой части *тезисов* «Метафизики» и *в практике* логических сочинения *Стагирита*, явив-

шейся во многом адекватным отображением объективных законов человеческого мышления и языка.

Перекидывая мост к современности, отметим, что в приведённом выше комментарии, напротив, даже *вторые сущности*, то есть *сущности родовые* и *видовые*, в отличие от *сущностей первых*, то есть *единичных*, объявляются *качествами*, хотя бы и *существенными*: «*вторые сущности суть сущностные качества первых сущностей* и, как таковые, отличаются от *их привходящих качеств*». – Там же. – С. 602. – Прим. 9 к главе 5.

Как *сущность*, *видовое отличие*, по «Категориям», в контексте стандартного категорического субъект–предикатного суждения с копулой «*есть*» говорится о подлежащем, согласно своему статусу, *соименно, синонимически*, сообщая ему собственное *имя* и собственное *понятие (определение)*. При этом полагаем необходимым напомнить, что всё это говорится относительно *видовых отличий, представленных именами прилагательными* или *подобными прилагательным выражениями* («*двуногое*», «*пешее*» («*сухопутное*»), «*водное*» и т. п.).

Приведённые примеры взяты из цитированных выше фрагментов. Однако легко заметить, что все реалии, обозначенные как *двуногое, живущее на суше (сухопутное)*, *водное* в древних трактатах весьма произвольно отнесены к *видовым отличиям*. Ведь по существу они таковыми не являются, ибо в принципе не входят в традиционное определение – в данном случае – человека. Но, будучи объявлены таковыми, они наделяются уже соответствующими свойствами и функциями. В логическом контексте соответствующие свойства и функции приобретают и их обозначения, именованья – главным образом *имена прилагательные*. Тем самым *имена прилагательные*, в более общем плане – *слипны*, обозначающие *видовые отличия*, которые трактуются как *сущности*, в акте предикации функционируют *аналогично именам существительным*.

Более того, в тринадцатой главе трактата «Категории» те же самые и подобные им реалии (обозначаемые как *живущее на суше*, то есть *сухопутное, обитающее в воде*, то есть *водное, пернатое* и т. п.) к тому же именуются уже *не (видовыми) отличиями*, а просто *в и д а м и*.

Приведём соответствующий довольно–таки пространный и в интересующем нас аспекте весьма поучительный фрагмент: «*Данными вместе по природе* называются также [*виды*], соподчинённые одному и тому же *роду*. Соподчинёнными называются [*виды*], противопоставленные друг другу в одном и том же делении, например, *пернатое – живущему на суше* и *обитающему в воде*. Все они соподчинены одному и тому же *роду*: ведь *живое существо* делится на эти [*виды*] – на *пернатое, живущее на суше* и *обитающее в воде*, и ни один из этих [*видов*] не первее [*другого вида*] и не есть последующее [*по отношению к нему*], а, надо полагать, все такого рода *животные по природе [даны] вместе*. И каждое из них может в свою очередь быть разделено на [*под*] *виды*, например, и *живущее на суше*, и *пернатое*, и *обитающее в воде*. Стало быть, и те [*подвиды*] будут вместе *по природе*, которые, принадлежа к одному и тому же *роду*, [*противопоставлены*] в одном и том же делении». – Там же. – С. 88.

Для сравнения приведём некоторые фрагменты из шестой главы шестой книги «Топики». По словам *Аристотеля*, в частности, «каждый *род* разделяют противопоставленные друг другу *видовые отличия*, как, например, [*род*] *живое существо – живущее на суше, крылатое, обитающее в воде*». – Там же. – Т. 2. – С. 472.

А несколько ниже, однако, находим остережение как раз против якобы ошибочного – с точки зрения автора – *отождествления видового отличия с определённым нечто*, то есть с *сущностью*: «Следует также смотреть, не означает ли *данное видовое отличие не какое–то качество; а определённое нечто*. Ведь кажется правильным, что *видовое отличие выражает какое–то качество*». – Там же. – С. 474.

И далее читаем: «...тех, кто разделяет *живые существа* на *живущие на суше* и *обитающие в воде*, порицают, полагая, что «*живущее на суше*» и «*обитающее в воде*» указывают, где [они находятся]. Или, быть может, их неправильно порицают, ведь «*обитающее в воде*» указывает не «в чём-то» и не «где-то», а *некоторое качество*». – Там же. – С. 476.

Поскольку, – как это утверждается в трактате «Категории», – род «*живое существо*» в одном и том же делении разделяется, в частности, на «*живущее на суше*», «*обитающее в воде*» и «*пернатое*» как на подчинённые и соподчинённые ему *виды*, то естественно вопрос: может ли такой *род* сказываться об этих субординированных в отношении данного *рода* и ординированных между собой *видах*, *де факто* снимается.

В «Категориях» этот вопрос *эксплицитно* не рассматривается, но *практически* ответ на него несомненно положителен. Ведь в той же 13-й главе трактата говорится следующее: «*Роды* же всегда *первее видов*: они не допускают обратного [*с видами*] следования бытия; например, если имеется *животное, обитающее в воде* (в оригинале – просто *водное* без естественной экспликации: *животное*), то имеется *живое существо*, но если имеется *живое существо*, то не обязательно имеется *животное, обитающее в воде* (в оригинале – просто *водное* без естественной экспликации: *животное*)». Уже отмеченные выше экспликации показывают, что *род* «*животное*», который предполагается *видом* «*водное*», необходимо предцируется о последнем *виде*, ибо *водное* необходимо есть *животное*, коль скоро оно влечёт за собой свой род. – См. по вопросу приведённую выше цитацию из логических сочинений *Стагирита*.

Аристотелем же, напротив, в частности – в «Топике», VI. 6, возможность подобной предикации – хотя и с некоторыми сомнениями и оговорками – вопреки всякому здравому смыслу всё-таки *отвергается*, причём в оправдание очевидно ошибочного тезиса приводится удивительно инфантильная аргументация.

Цитируем: «...следует смотреть, не сказывается ли *род* о *видовом отличии*, ведь *род*, надо полагать, *сказывается не о видовом отличии*, а о том, о чём сказывается *видовое отличие*, как, например, «*живое существо*» – о *человеке, быке* и всех прочих *живущих на суше живых существах*, но не о *видовом отличии*, которое приписывается *виду*: ведь если «*живое существо*» сказывалось бы о каждом *видовом отличии*, то много *живых существ* сказывалось бы о *виде*, так как о *виде* сказываются *видовые отличия*. Кроме того, все *видовые отличия* были бы или *видами*, или *единичными*, если только они *живые существа*, ибо каждое *живое существо* есть или *вид*, или *единичное*». – Там же. – С. 474–475.

Во многом противореча сказанному *Стагиритом* и внося собственный вклад в развитие теории предикации, «*последний римлянин*» – *Бозций* – в своём комментарии к «Введению к «Категориям» финикийца *Порфирия* (III в.), ученика суетумудрого ликополитанца *Плотина*, писал, в частности, следующее.

Финикиец, как известно, держался традиционной, аристотелевской схемы *предикации*, которая, как это ни странно, в формальной логике по существу сохранилась и до сего дня: «... *самый высший род* сказывается о всех находящихся под ним *родах, видах* и *индивидуальных вещах*, а *род*, стоящий перед последним *видом*, – о всех *последних видах* и *индивидуальных вещах*, *вид*, который есть только *вид*, – о всех *индивидуальных вещах*, [наконец,] *индивидуальная вещь* – только об одной из *отдельных вещей* [то есть лишь о самой себе]». – *Аристотель*. Категории (с приложением «Введения» *Порфирия* к «Категориям». – М., 1939. – С. 60; см. с. 65–66 и другие; цитируемый русский перевод принадлежит *А. В. Кубицкому* и, по всей вероятности, на сегодняшний день является единственным, но, к великому сожалению, не совсем исправным; кроме того в указанной публикации наличествует пропуск текста, захватывающий конец главы «О виде» и начало главы «О различающем признаке» (С. 60).

Бозций в дополнение к приведённому мнению своего предшественника (а их, отметим, разделяло более двух веков), при этом, однако, – вряд ли оправданно – ссылаясь именно на последнего, вполне адекватно – кроме разве ссылки – утверждал: «**Род**, – говорит он (**Порфирий**) сказывается о многих [вещах], то есть о *видах* и об *индивидуальных* [вещах этих] *видов*, как «*животное*» сказывается о *человеке* и *лошади*, и о находящихся под ними *индивидах*. Кроме того **род** сказывается об *отличительных признаках* (в латинском оригинале, отметим, – просто *differentiae*), что справедливо: ведь именно *отличительные признаки* образуют *виды*. А раз **род** сказывается о *видах*, он должен сказываться и о тех [*признаках*], что составляют *субстанцию* и *форму видов*, следовательно, **род** сказывается и об *отличительных признаках*, причём не об одном, а о многих: ведь мы говорим, что «*разумное*» – это *животное*, и «*неразумное*» – тоже «*животное*». – **Бозций**. «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1990. – С. 106.

И далее, касаясь проблемы *предикации* так называемых *собственного* и *привходящего признаков* (в трактате, напомним, просто *собственное* и *привходящее*), автор писал: «Может показаться удивительным, почему **Порфирий** не сказал, что **род** сказывается о *собственном признаке*, не сказал, что о том же *собственном признаке* сказывается *вид* и *отличительный признак*, но только – что **род** сказывается о *видах* и *отличительных признаках* (**Порфирий**, отметим, последнего отнюдь не говорил, это добавление самого **Бозция**); *отличительный признак* – о *видах* и *индивидах*; *вид* – об *индивидах*; *собственный признак* – о *виде* и об *индивидах*; *привходящий признак* – о *видах* и *индивидах*. Ведь, может быть (sic!), сказуемые большей предикации сказываются о всё меньших, а равные [по предикации] взаимозаменяемы. Тогда получится, что **род** сказывается об *отличительных признаках*, и о *видах*, и о *собственных* и о *привходящих признаках*. Об *отличительном признаке* – когда мы, например, говорим, что «*разумное*» есть *животное*; о *виде* – «*человек*» есть *животное*; о *собственном признаке* – «*способное смеяться*» есть *животное*; о *привходящем признаке* – «*чёрное*» есть *животное*, в том случае, когда мы указываем на ворона или на эфиопа. В свою очередь *отличительный признак* сказывается о *виде* – *человек разумен*; и о *собственном признаке* – *то, что способно смеяться, разумно*; о *привходящем признаке* – *чёрное разумно*, если в данном случае речь идёт об эфиопе. Далее, *вид* – о *собственном признаке*: *способное смеяться* есть *человек*; *вид* – о *привходящем признаке*: *чёрное* есть *человек* – применительно к эфиопу. Точно так же и *собственный признак* сказывается о *привходящем*: при определении эфиопа *чёрное* есть в то же время и *способное смеяться*. И наоборот – *привходящий признак* сказывается обо всех остальных; он стоит над отдельными *индивидами* и сказывается также о стоящих выше него [сказуемых], так что если **Сократ** есть *животное*, *разумное*, *способное смеяться* и *человек*, и если **Сократ лыс**, что является его *привходящим признаком*, то этот *привходящий признак* будет сказываться о *животном*, о *разумном*, о *способном смеяться* и о *человеке*, то есть об остальных четырёх сказуемых». – Там же. – С. 107–108; см. с. 109, 110, 112, 113, 114 и другие.

Может быть, кто-нибудь из совопросников со дерзновением невежд и обскурантов отважится утверждать, что в цитации под *именами прилагательными* понимаются *качества*, *свойства*, *признаки*? Пусть даже под лексемой «*лыс*»? Хотя, к сожалению, в цитируемом переводе латинская *differentia* и передана как *отличительный признак*. Желателен и вполне адекватен всё-таки был бы нейтральный эквивалент: *отличие*.

«Впрочем, – заключил **Бозций** свой пространственный логический экскурс, – этот вопрос слишком глубок, и на разрешение его у нас не хватит времени; для понимания начинающих же достаточно будет только лишь сказать, что одни [сказуемые] сказываются *прямым*, а другие – *косвенным образом* (*recto, obliquo ordine*): «*человек движется*» *прямое*, а «*то, что движется, есть человек*» – *обращённое* (*conversa*) *высказывание*. **Порфирий** же отобрал для каждого [из пяти сказуемых] случаи *прямой* [*предикации*]. И если кто-нибудь, сопоставляя между собой отдельные сказуемые, исследует силу сказывания каждого из них, он обнару-

жит, что все *прямые высказывания* перечислены *Порфирием*, те же, что сказываются *косвенным образом*, – опущены». – Там же. – С. 108.

Бозций в данном резюме выказывает свою обычную скромность. В действительности же он *эксплицитно* выразил целый ряд касающихся *проблемы предикации* положений, о которых – в их полноте – до него говорилось или весьма и весьма осторожно, или вообще не говорилось, или же говорилось в отрицательном аспекте.

Достаточно, например, вспомнить приведённый выше грозный остерегающий призыв *Аристотеля*: «...следует [так хочется добавить: *неукоснительно*] смотреть, не сказывается ли *род* о *видовом отличии*, ведь *род*, надо полагать, *сказывается не о видовом отличии*, а о том, о чём сказывается *видовое отличие*, как, например, «*живое существо*» – о *человеке, быке* и всех прочих живущих на суше *живых существах, но не о видовом отличии, которое приписывается виду...*». – *Аристотель*. Сочинения. – Т. 2. – С. 474–475.

Присоединяясь к справедливой констатации *Бозция* относительно того, что поднятый им вопрос «слишком глубок» и что «на разрешение его у нас не хватит времени», со своей стороны отметим, что *в настоящее время во многих аспектах он вообще неразрешим*. И многие из воспроизведённых здесь положений нынешними мудрецам покажутся вообще *абсурдными*, как это, по всей вероятности, казалось некогда и *Стагириту*. Ведь они справедливы лишь при том условии, которое лишь с большим трудом, но всё же, надеемся, может быть переварено и усвоено современной «научной» мыслью, как правило, страдающей обратным талантом, то есть несварением и отвращением по отношению к здравому смыслу и истине.

Согласно таковому условию, *слиппы* в любой позиции (то есть и как *субъекты*, и как *объекты*, и как *предикаты*, и как *атрибуты*) в составе предложения или словосочетания, а также и будучи высказываемы вне всякой связи, *всегда и непременно означают некую вещь, обладающую соответствующим качеством, но отнюдь не само это качество*. Идея же последнего как имманентного объекту, означаемому *субстантивом в форме адъектива, коннотируется, соозначается* посредством корневой основы лексемы, самой по себе, однако, являющейся именем *предмета, которому сие качество присуще*.

При условии подобного корректного понимания смысла *слиппов* последние, что само собой разумеется, уже не могут представлять те или другие *признаки* объектов, как это прослеживается на вербальной фактуре в приведённых *переводных* и *переосмысленных* фрагментах из *Аристотеля*, *Порфирия* и *Бозция* и других древних авторов. Ведь в оригинале имеют *нейтральные* термины: (*видовое*) *отличие*, а не *отличительный признак, собственное*, а не *собственный признак, привходящее* или *случайное*, а не *привходящий* или *случайный признак* и т. п. *Слиппы* в данном и во всех других аналогичных и не аналогичных случаях (за исключением тех, когда они применяются в функции имён собственных) обыкновенно имеют статус *своеобразных видовых* или *родовых имён* (что понимается под словом *своеобразных*, станет ясным несколько позднее). По *Фоме Аквинату* – это *quasi-виды* и *quasi-роды*.

Именно это мы уже и имели возможность видеть, в частности, в трактате «Категории». Именно это наблюдается и у нашего *Бозция*. Сочиняя, по примеру *Порфирия*, собственное понятийно-терминологическое иерархическое «дерево» в аспекте родо-видового деления категории «*субстанция*», он – в отличие от последнего, несколько, видимо, пугливого, – вводит в него многочисленные лексические ступени, обозначенные *слиппами*, и классифицирует их при этом как *роды* и *виды*. Предваряя цитацию, смиренно отметим, что лексема «*животное*» – это тоже изначальный *слипп*.

Бозций, в вербальном аспекте воспроизводя так называемое «*дерево Порфирия*» (ему же, напомним, принадлежит и графическое изображение такового), в частности, пишет: «Итак, *субстанция* – это наивысший род ... *телесное* же, стоящее на втором месте после *субстанции*, в равной мере справедливо назвать и *видом* и *родом: видом субстанции, родом* для

одушевлённого. В свою очередь, *одушевлённое* является *родом животного* и *видом телесного*. Однако ведь *одушевлённое* – это *род наделённого чувствами* (sensibilis); но *одушевлённое наделённое чувствами* есть *животное*, а значит мы правильно говорим, что *одушевлённое* есть *род животного*, благодаря такому *отличительному признаку (differentia)*, как *наделённость чувствами*. *Животное*, с одной стороны, является *родом разумного*, а *разумное* – *родом смертного*. А так как *разумное* и *смертное* [в соединении] есть не что иное, как *человек*, то *разумное* – это *вид животного* и *род человека*. Сам же *человек* не будет, как мы уже говорили, *родом* для Катона, Цицерона и Платона, но только *видом*. При этом *человек* называется *видом*, с одной стороны, по отношению к *отличительному признаку (differentia) разумного*, а с другой – по отношению к Катону, Платону и другим [*индивидам*]; в обоих случаях он назван *видом* по разным причинам. *Видом разумного* он является он является потому, что *разумное* разделяется на *смертное* и *бессмертное*, причём *человек* – *смертное*. Тот же *человек* называется *видом* по отношению к Платону и прочим *отдельным людям* потому, что *человек* – это *субстанциальное и последнее сходство* в форме всех людей... Во всей рассмотренной нами последовательности *вышестоящие роды* соединяются с *более низкими [родами]*, чтобы создать *очередной вид (sic!)*. Так, чтобы было *тело, субстанция* соединяется только с *телесностью, [и получается] телесная субстанция – тело*. Точно так же для того, чтобы было *одушевлённое тело, телесное* и *субстанция* соединяются с *одушевлённым*, и вот есть *одушевлённое – телесная субстанция*, имеющая душу. Далее, чтобы было *наделённое чувствами (sensibilis)*, три стоящие выше [*рода*] соединяются с ним [*родом наделённого чувствами*]. Ибо *наделённое чувствами [существо]* есть не больше и не меньше как *субстанция телесная, одушевлённая* и *наделённая способностью чувствовать*, что всё в целом называется *животным*. Затем все вышестоящие [*роды*], соединившись с *разумным* [как *родом*], создают *разумное*; в такой же мере, наконец, все вышестоящие [*роды*] определяют и *человека*: к *разумности* добавляется ещё только *смертность*. Ибо *человек* есть не что иное как *субстанция телесная, одушевлённая, чувствующая, разумная* и *смертная*. Мы обычно определяем *человека* как *разумное смертное животное*, включая в [понятие] *животного субстанцию, телесность, одушевлённость* и *наделённость чувствами*. Точно так же подразделяются *роды* и описываются *виды* во всех прочих *категориях*. – Там же. – С. 56–59.

Полагаем, что в сей разросшийся калашный ряд, – хотя и не всегда достаточно стройный, что в некотором аспекте объясняется недостаточной точностью русского перевода, – вряд ли разумно соваться ... с *дефектной трактовкой имени прилагательного и причастия*: ведь *телесное, одушевлённое, чувствующее, разумное* и даже *смертное* – это опять–таки не какие–то там *качества*, а самые настоящие *виды*.

Небезынтересно, полагаем, отметить и следующий выходящий далеко за пределы обскурантистской инерционности факт. В своём «Введении» к «Категориям» в качестве примера последней ступени деления категории «субстанция», то есть *единичного*, греческого *атома*, то есть *неделимого*, или латинского *индивидуума* вышеозначенный *Порфирий* даже *дважды* приводит, в частности, $\delta\upsilon\lambda\beta \bar{\zeta} \theta\alpha$, «это вот белое»! По его собственным словам (в русском переводе, естественно, *А. В. Кубицкого*), «называется ... индивидуальной вещью Сократ, *это вот белое* и этот приближающийся сын Софрониска, если у последнего единственный сын – Сократ». – *Аристотель*. Категории (с приложением «Введения» *Порфирия* к «Категориям»). – М., 1939. – С. 60; см. с. 57.

То же наблюдается и в латинском переводе «Введения» *Порфирия*, принадлежащем *Бозцию*. Здесь приводятся оба места из пропедевтического опуса *Финикийца* с эквивалентом: *album hoc*. Можно отметить и случай собственного эксперимента комментатора в этом направлении, эксперимента, судя по русскому переводу, не вполне адекватного. – См: *Бозций*. «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1990. – С. 59, 71; ср. с. 41.

Итак, $\delta\upsilon\lambda\beta \bar{\zeta} \theta\alpha$, *album hoc*, «это вот белое» есть *единичное* категории «сущность», *первая сущность* – по «Категориям», *неделимое* – по *Порфирию*, *индивидуум* – по *Бозцию*!

То есть некий *предмет, объект*, обладающий *качеством белизны*. А это означает, что *имя прилагательное*, тем самым, столь же *субстантивно*, как и *имя существительное*. С некоторой спецификой, безусловно.

К сожалению, предтеча латинской схоластики *Бозций* – наряду с удивительными объективными прозрениями – демонстрирует отнюдь не допустимую в научных опусах терминологическую и концептуальную неоднозначность: одни и те же реалии обозначаются у него (по крайней мере – в дошедших до нас версиях его творений) то как *роды* или *виды*, то как *отличия* (в тексте перевода – *отличительные признаки*, но это домышление переводчика и/или редактора перевода). При этом древний автор допускает даже такие утверждения, будто «*отличительный признак (differentia) ... есть не что иное, как просто качество в чистом виде*», «*чистое и простое качество*». Вопреки сему, по его же собственным словам, «*вид ни в коем случае не есть чистое и простое качество*», ибо *вид* – «это *субстанция*». Далее, однако, следует опять-таки некорректность: «*субстанция, образованная качествами*». Более того, в том же ошибочном русле *Бозций* декларирует, якобы «в определённом смысле *вид тоже качество, но не простое, а образованное другими качествами*». – Там же. – С. 131.

Как можно предположить, эти и подобные колебания явились следствием влияния на латинского автора середины первого тысячелетия по Рождестве Христове или, быть может, – позднее – интервенционного влияния на его творения не всегда адекватной предшествующей и последующей традиций, что проявилось в том числе и в аспекте *не всегда корректной трактовки семантики слиппов*. Вполне возможно, что по этой причине воспроизведённые в его трудах или выдвинутые им самим верные логические положения в дальнейшем, к сожалению, не получили должного адекватного резонанса в отнюдь не адекватных, в частности, в данном аспекте схоластике и науке Нового времени.

Правда, созвучные идеям *Бозция* концепции со свойственными ему погрешностями, отметим, можно обнаружить и в более поздние времена. В частности, в «Диалектике» *преп. Иоанна Дамаскина* († 749) мы находим аналогичное вербально воспроизведённому выше, хотя и более разветвлённое «*древо Порфирия*» в аспекте родо-видового деления категории «*субстанция*» с подобной же трактовкой обозначенных (выраженных, представленных) *слиппами* промежуточных ступеней иерархической лестницы субстанциального бытия.

В главе XLVII «*Диалектики, или Философских глав*» святого отца читаем: «*Субстанция есть самый общий род*. Она разделяется на тело и бестелесное; тело – на одушевлённое и неодушевлённое; одушевлённое – на чувствующее: животное, животное–растительное: животное и нечувствующее: растение; чувствующее – на разумное и неразумное; разумное – на смертное и бессмертное; смертное – на человека, вола, лошадь, собаку и тому подобное; человек – на Петра, Павла и прочих единичных людей, которые суть *индивиды, ипостаси, лица*.

Итак, *субстанция* есть *самый общий род, тело – вид субстанции и род одушевлённого; одушевлённое – вид тела и род чувствующего; чувствующее животное – вид одушевлённого и род разумного; разумное – вид животного и род смертного; смертное – вид разумного и род человека; человек же есть самый низший вид*, ибо *человек* есть *вид* в отношении *смертного* и *вид* же в отношении *Петра и Павла*. По святым отцам, это именно и есть *природа, форма и субстанция*.

Те члены деления, которые находятся между *самым общим родом*, то есть *субстанцией*, и *самыми низшими видами*, то есть *человеком, волом*, суть *подчинённые роды и виды*. Они [то есть *подчинённые виды и роды*], – говорится далее, – называются *существенными и естественными разностями*, а также *качествами*, – *разделительными* по отношению к *высшим членам, образующими* в отношении *низших членов* и *видообразующими* ($\gamma\emptyset*\cong B\cong 4\cong \cdot$) в отношении *самых низших видов*, так как они *образуют*

их и *обособляют* одну *природу* от другой. *Природа* же определяется из *самого низшего вида*».

По словам преподобного, «*существенные различия* не суть *акциденции*», им, – как и *субстанциям*, – принадлежит «свойство *не иметь своего бытия в другом*», соответственно «они вносятся в *определение*» и «сказываются *синонимически*». – Там же.

Аналогичное соотносительное обозначение *подчинённых родов и видов как существенных и естественных различий*, то есть *отличий*, наблюдается и в других главах и вариантах текста «Диалектики», всего – *трижды*.

Почти через четыреста лет после *преп. Иоанна Дамаскина* проблема *видовых отличий* теперь уже *эксплицитно* рассматривалась *Пьером (Петром) Абеляром* (1079–1142).

В своей «*Диалектике*» он обсуждал вопрос о том, подразумеваются ли «под именами *видовых отличий*» действительные *формы* видов, или же, скорее, мы понимаем обозначающие *видовые отличия* лексемы, – которые в аспекте предикации некоторыми применяются в качестве имён *видов* и используются для обозначения *видов*, – таким образом, что «*разумное*» эквивалентно, равнозначно «*разумному живому существу*», то есть «*животному*», а «*одушевлённое*» – «*одушевлённому телу*», так что в смысловое содержание сигнифицирующих *видовые отличия* лексем (знаков *видовых отличий*) входит не только обозначение *формы*, но также и *материи*».

По словам *Абеляра*, последняя точка зрения – «как помнится» – привлекла критическое внимание «*нашего учителя*» *Вильяма из Шампо* (1068–1122). Он «видел здесь ошибку в словоупотреблении, заключающуюся в том, что имя *видового отличия*» поставляется вместо *вида* в аспекте деления *рода* (на *виды*)», так что это *адъективное имя* «берётся не в качестве обозначения самого по себе *видового отличия*, но как *субстантивное имя*, сигнифицирующее *вид*». В противном же случае, – заключил средневековый диалектик, – можно было бы сказать, что деление *субъекта* (то есть *рода*) производилось бы на *акциденции*, как это следует из позиции тех, кто стремится трактовать *дифференции* как присущие *роду* в качестве *акциденций*». – *Dialectica* (ed. De Rijk, 1970), p. 541. 24–37.

Сам *Абеляр*, который для обозначения *имён прилагательных* широко применявшимися терминам: «*nomen denominativum*» и «*рагонум*» предпочитал таковой «*s u m p t a*», в той же «*Диалектике*», в частности, писал:

«*Nomina quaedam substantiva dicuntur quae rebus ipsis secundum hoc quod sunt data sunt; quaedam vero [nomina] s u m p t a, quae scilicet secundum formae alicuius susceptionem imposita sunt*». – *Dialectica* (ed. De Rijk, 1956), p. 595. 32, 34; ср. p. 596. 1.

Английский перевод: «Some names said to be substantives, since they are given to things on account of what they actually are; other names are called «derivative», namely those which are given *on things* because of the reception by the *thing* of some quality (*form*) or other». – Цит. по: *Henry D. P.* Commentary on De Grammatico. The historical–logical dimensions of Dialogue of St. Anselm's. – Dordrecht, Holland / Boston, USA, 1974. – P. 86.

Русский перевод: «Некоторые *имена* называются *существительными (субстантивными)*, поскольку они прилагаются *к вещам* соответственно тому, что эти *вещи* актуально существуют (*secundum hoc quod sunt data sunt*); другие [*имена*] называются *производными* (*sumpta – derivative*), поскольку они прилагаются *к вещам* по причине принятия вещью той или иной *формы*».

Это самым непосредственным образом касается обсуждаемого вопроса, ведь *видовые отличия* в аспекте классической традиции обозначаются, – как уже неоднократно отмечалось, – *именами прилагательными*. И согласно *Абеляру*, *адъективы* представляют собой *имена*, «которые присваиваются *вещам по их форме*», которой они обладают; например, слова *rationale*, «*разумное*», и *album*, «*белое*», называют те *вещи*, в которых пребывают *rationalitas*,

«разумность», и *albedo*, «белизна». – См.: Всеобщая грамматика (Пор–Рояля). – Л., 1991. – Прим. 37. – С. 106–107.

«Ибо, – по его словам, – говорить, – как это обычно делают, – что *прилагательное* – это то, что называет *акциденцию* (accidens), а *существительное* – то, что обозначает *сущность* (essentia), смешно и даже лишено смысла...». – См.: История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л., 1985. – С. 260.